

8. Женщины мира в борьбе за социальный прогресс. – М.: Мысль, 1972.
9. Роцин С. Занятость женщин в переходной экономике России / С. Роцин. – М.: Изд. фирма «ТЭИС», 1996.
10. Законодательные акты о труде. – К.: Политиздат Украины, 1976.
11. Известия УП НКТ. – 1925. – № 20.
12. Известия УП НКТ. – 1925. – № 45.
13. Трофименко Л. Феномен жіночого політичного лідерства в Україні / Л. Трофименко. – Автореферат: Одеса. – 2002 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.lib.ua-ru.net/inode/17975.html>.
14. Известия ЦИК. – 1926. – № 135.
15. Известия УП НКТ. – 1923. – № 11/35.
16. Известия УП НКТ. – 1923. – № 15 – 16.
17. Известия НКТ СССР. – 1926. – № 1.
18. Известия НКТ СССР. – 1925. – № 37-38.
19. Шарова Т. П. Вовлечение женщин в восстановление промышленности (1921–1925): опыт Компартии Украины: Автореф. дис. на соискание науч. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.01 «История КПСС» / Т. П. Шарова. – Одесса, 1990.

В.А. Ильиних

ХЛЕБНЫЙ РЫНОК УКРАИНСКОЙ ССР В 1924/25 Г.: КОНЬЮНКТУРА И ПОЛИТИКА

Проаналізовано кон'юнктурні особливості заготовівельного хлібного ринку Української РСР у 1924/25 р. Виявлено етапи і тенденції політики радянської держави щодо його регулювання.

Ключові слова: неп, хлібозаготовілі, ринок, кон'юнктура, державне регулювання, селянство.

The article analyses the peculiarities of the situation on the procurement of grain market of the Ukrainian SSR in 1924/25. Identifies the stages and tendencies of the policy of the Soviet state for its regulation.

Key words: NEP, grain reserves, market conditions, government regulation, the peasantry.

Исследование рассматриваемой проблемы имеет важное научно-теоретическое значение. Хлебный рынок являлся и центральным звеном реформирования экономических отношений, и основной сферой столкновения интересов господствующего в стране режима и крестьянства. Он представлял собой ту совокупность экономических и политических отношений, в которой в максимально возможной степени заложены сущность, содержание и основные противоречия нэпа. Практическая значимость анализа связана с необходимостью выявления и использования исторического опыта регулирования сельскохозяйственного рынка в современных условиях.

Объектом исследования в настоящей работе выступают заготовительный рынок хлебопродуктов Украинской ССР, составлявший территориальную часть общесоюзного рынка. Предметом анализа являются конъюнктура хлебного рынка республики в 1924/25 г. и политика его государственного регулирования.

В советской историографии основное внимание уделялось освещению хлебозаготовок в начале и конце 1920-х гг. В постсоветский период исследователи стали больше внимания уделять хлебному рынку середины десятилетия. Однако особенности отдельных хлебозаготовительных кампаний и их региональная

специфика все еще остаются недостаточно изученными. Автор статьи ставит целью исследовать особенности хлебного рынка УССР в 1924/25 г.

В 1922/23 – 1923/24 гг. хлебооборот в СССР строился на принципах «двуэтажной» экономики. Сохранились остатки мобилизационной системы: часть продукции отчуждалась у производителей безвозмездно и распределялась в централизованном порядке. Вместе с тем значительные и все более возрастающие (из-за сокращения как абсолютных, так и относительных размеров натурального налога) объемы зерна закупались у крестьян на рынке. Регулирование заготовительного рынка в этот период осуществлялось экономическими методами. Закупочные цены формировались преимущественно по рыночным законам. Административные ограничения деятельности частника практически отсутствовали. Столь либеральное отношение к хлебному рынку со стороны советского руководства было следствием выгодного для государства низкого уровня закупочных цен, которые установились в связи с относительно высокими урожаями, неразвитым в силу обнищения населения спросом и давлением на рынок значительных объемов фактически бесплатного для государства продналогового зерна.

В 1923/24 г. коммерческие закупки плановых государственных и кооперативных организаций в СССР составили 325,1 млн пуд. На территории Украинской ССР было приобретено 120,2 млн пуд. (37%) [1, 2]. Подготовка к хлебозаготовительной кампании 1924/25 г. началась в условиях продолжающегося восстановления зернового производства. Увеличение размеров посевных площадей позволяло ожидать, что осенью может быть собран неплохой урожай. Государство планировало увеличить размеры централизованных хлебозаготовок. Регулирование хлебного рынка должно было осуществляться экономическими («нэповскими») методами.

Однако в середине лета конъюнктура рынка коренным образом изменилась. Засуха привела к недороду в ряде зернопроизводящих регионов европейской части СССР, включая Восточную Украину. Недород 1924 г. был менее значителен, чем в 1921 г. Тем не менее призрак великого голода зимы 1921/22 г. не был забыт и вызвал панику в засушливых районах. Началась массовая скупка зерна и муки крестьянами. Вывоз хлеба из деревни на рынки практически прекратился. Хлебные цены в июне сделали резкий скачок вверх. На территории Украинской ССР стоимость пуда пшеницы за месяц увеличилась с 1 р. 19 к. до 1 р. 46 к., пуда ржи – с 78 коп. до 1 р. 1 к. [2, 218–220]. Рост цен в неурожайных районах мог вызвать цепную реакцию на остальной территории страны и подорвать финансовую стабильность. В этих условиях государство было вынуждено выделить из своих запасов значительные партии зерна и муки и реализовать их в неурожайных районах по ценам более низким, чем рыночные.

Ажиотажный спрос был сбит, цены стабилизировались и начали снижаться. Однако угроза их неконтролируемого роста осталась. Для предотвращения подобного развития событий советское руководство обязало государственных и кооперативных заготовителей снизить закупочные цены до устанавливаемых центральными

регулирующими органами максимальных пределов (лимитов). Выше этих цен вести закупки запрещалось. На частных хлеботорговцев лимиты не распространялись. По мнению руководителей советской экономики, возможности частников были ограничены.

Введенные в начале августа лимиты были относительно высокими, что было связано с необходимостью срочного снабжения районов, пострадавших от засухи, семенами озимых культур. Низкая цена могла помешать закупкам семенного зерна. В итоге страна вступила в хлебную кампанию с высокими закупочными ценами. Стабильное превышение спроса над предложением могло вызвать их дальнейший рост, который создавал реальную угрозу сбалансированности госбюджета, стабильности червонца, снижения уровня жизни горожан. В то же время натуральный налог с января 1924 г. был отменен, и государство лишилось возможности реализации на рынке получаемого по налогу дешевого хлеба.

Исходя из этого было принято решение значительно снизить хлебные цены. Распоряжением Наркомата внутренней торговли СССР от 29 августа 1924 г. на территории всей страны лимиты закупочных цен на зерно были резко уменьшены. На территории Украины максимальный лимит на пшеницу снизился с 1 р. 40 к. до 1 р. 15 к., а в середине сентября – до 90 коп. за пуд, на рожь – с 80 до 70 коп., а затем до 60 коп. [3, 5; 4, 24]. Введение низких лимитов привело к сокращению общего уровня хлебных цен, но практически парализовало централизованные заготовки. В сентябре 1924 г. их объем в Украинской ССР уменьшился по сравнению с августом на треть [1, 5]. Крестьяне стремились продать свою продукцию частникам, которые предлагали за нее сравнительно невысокие, но все-таки превосходящие лимитный уровень цены. Количество появившихся в начале кампании 1924/25 г. частных торговцев, размеры их капитала и объемы операций значительно превосходили ожидаемый уровень. Это было связано с тем, что частный капитал в 1923 г. с помощью разнообразных административных и экономических мер начал вытесняться из многих сфер товарооборота, а каких-либо серьезных ограничений его деятельности на хлебном рынке пока не существовало. К тому же повышенный спрос на хлеб в потребляющих и неурожайных регионах сулил оборотистому частнику получение солидной прибыли. Базой для деятельности частного капитала на украинском рынке были товарные мельницы. Частникам в республике принадлежало до 50% производственных мощностей мукомольной промышленности [5, 4]. Пользуясь значительной разницей между закупочными ценами на зерно и продажными ценами на муку, частные предприниматели перемалывали зерно на собственных мельницах, переправляли в потребляющие районы Украины и России и продавали в тридорога. В начале осени частники приобретали до 80% зерна, вывозимого на рынок республики [6, 65].

Не имея возможности бороться с частным капиталом экономическими способами, государство переходит к административным методам его ограничения. В конце сентября вводится запрет на

выдачу Госбанком кредитов под хлеб частным лицам, а Наркомат путем сообщения получает задание установить на железной дороге такую очередьность погрузки хлебопродуктов, которая способствовала бы быстрейшему продвижению государственного и кооперативного хлеба в ущерб частному [7, 79]. Власти Украины пошли еще дальше. На территории республики в октябре было введено принудительное изъятие по твердым государственным ценам 40% муки, произведенной на частных мельпредприятиях [5, 4].

Устранение частников с рынка имело лишь кратковременный эффект. В октябре централизованные заготовки выросли на 24%. Однако уже в конце осени закупки основных заготовительных организаций начали снижаться, составив в ноябре и декабре 1924 г. соответственно 80 и 76% от уровня октября того же года [1, 5]. Недовольные низкими закупочными ценами украинские селяне, и прежде всего середняки и зажиточные (беднота к этому времени почти все свое зерно уже реализовала), значительно сократили продажу хлеба. Объем централизованного закупа упал и в других регионах СССР. Все это сказалось на снабжении городов, испытывавших острый недостаток в муке. Частник, который мог восполнить недостачу, был фактически устранен из межрайонного хлебооборота. Спрос опережал предложение. Возникший дефицит хлебопродуктов привел к росту продажных и рыночных закупочных цен. 1 октября 1924 г. на вольном рынке Украины пуд пшеницы стоил 1 р. 32 к., 1 февраля 1925 г. – 2 р. 55 к., пуд рожи – 84 коп. и 1 р. 72 к. соответственно [8, 27]. Украинское руководство попыталось сбить цены, выпустив на рынок по относительно низким ценам муку, которая была собрана в рамках 40%-ного принудительного изъятия. Однако в силу того, что «мучная интервенция» из-за недисциплинированности уполномоченных организаций растянулась на длительное время, особого влияния на конъюнктуру рынка она не оказала [5, 6].

В этих условиях в правящих кругах страны сложилось мнение, что единственным способом спасения потребляющих районов от продовольственной катастрофы может быть либерализация рынка, одним из направлений которой стало снятие административных ограничений с деятельности частного капитала. В феврале в Украинской ССР отменили принудительное изъятие муки на частных мельпредприятиях [5, 7]. Помимо этого делалась ставка на увеличение (по отдельным регионам и продуктам) лимитов закупочных цен для государственных и кооперативных заготовительных организаций или их отмену. Лимиты повышали по первому требованию с мест. Среднемесячные заготовительные цены АО «Хлебопродукт» на пшеницу на территории Украины увеличились с 1 р. 15 к. в октябре 1924 г. до 2 р. 34 к. в феврале 1925 г., на рожь – с 57 коп. до 1 р. 40 к. [9, 57].

И хотя в марте снабжение потребляющих районов несколько улучшилось, спрос на хлеб здесь по-прежнему превышал предложение, что вызывало продолжающийся рост оптовых и розничных цен. Остановить рост хлебных цен могла лишь заплата реализации большого количества зерна. В связи с этим 3 марта 1925 г. СТО принял решение в срочном

порядке дополнительно к уже поступающему хлебу купить еще 10 млн пуд. хлебопродуктов. Первые партии импортной продукции стали поступать на внутренний рынок Украины в конце марта. Всего в СССР до 20 апреля из 19 млн пуд. ввезенного хлеба было израсходовано 15 млн пуд. [7, 83; 5, 7; 10, 40].

Хлебная интервенция значительно улучшила снабжение потребляющих районов и сняла ажиотажный спрос. Однако неопределенность видов на урожай не позволила снизить закупочные цены. Необходимо было во что бы то ни стало создать как можно бульши запасы зерна на случай возможного недорода. Единственным эффективным способом заставить крестьян продать оставшееся зерно по-прежнему оставался подъем заготовительных цен. В апреле 1925 г. на территории Украины среднемесячные заготовительные цены АО «Хлебопродукт» на пшеницу составили 2 р. 86 к., на рожь – 2 р. 4 к., цены вольного рынка на 1 апреля – 3 р. 3 к. и 2 р. 29 к. [8, 27; 9, 57]. И лишь в мае, когда стало ясно, что сбор зерновых в 1925 г. будет не ниже среднего, закупочные цены стабилизировались, а в июне, по мере улучшения видов на урожай, стали снижаться.

Таким образом, советское государство, столкнувшись в 1924 г. с перспективой связанного с неурожаем существенного повышения хлебных цен, сразу же изменило декларированным нэповским принципам и пошло по пути ограничения свободы торговли. Политика устанавливаемых из центра и жестко контролируемых предельных закупочных цен, которые не соответствовали конъюнктуре рынка, спровоцировала в массовом масштабе практику задержки реализации зерна со стороны его производителей. Связанная с подобным поведением крестьянства недозаготовка хлебопродуктов немедленно сказывалась на снабжении потребляющих районов, вызывая там панику и, как следствие этого, бурный рост розничных хлебных цен.

В связи с ухудшением продовольственного положения советское руководство во второй половине кампании вынуждено было вновь пойти на либерализацию рынка. Постоянное повышение закупочных цен явилось эффективным стимулом увеличения предложения зерна со стороны крестьянства и позволило весной 1925 г. снять ажиотажный спрос. Однако повышение цен стало уступкой не всему крестьянству, а только более зажиточной его части. Остро нуждающаяся в деньгах беднота была вынуждена реализовывать свой хлеб осенью по крайне низким ценам, в то время как способные придержать зерно до весны более состоятельные селяне продавали зерно в 2–3 раза дороже. Подводя итоги кампании 1924/25 г., ответственный работник республиканского Наркомата внутренней торговли П. Коломойцев заявил: «Стихия сельскохозяйственного украинского рынка оказалась в общем и в целом сильнее регулирующих сил государства» [5, 1]. Всего в ходе кампании 1924/25 г. в СССР в централизованном порядке закупили 313,6 млн пуд. хлебопродуктов, в Украинской ССР – 67,1 млн пуд., что составляло 96,5 и 55,8% от показателей предыдущего года. Удельный вес Украины в общесоюзных заготовках снизился до 21,4% [1, 4]. Частными торговцами на украинском

рынке было приобретено более 40 млн пуд. зерна [1, 4; 11, 16].

Либерализация рынка была кратковременной. Уже осенью 1925 г. начался очередной тур перехода к директивному ценообразованию и монополизации рынка, который фактически завершился в 1926/27 г. Однако сложившаяся в этом году заготовительная система в 1927/28 г. показала свою несостоятельность. Небольшое снижение производства зерновых в сочетании с ценовым волонтеризмом вызвало острый хлебозаготовительный кризис, политическим последствием которого стал отказ от нэпа.

1. Ежегодник хлебной торговли. – М., 1928. – № 1: 1925/26 и 1926/27 гг.
2. Хлебные цены и хлебный рынок. – М., 1925.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). – Ф. Р-659. – Оп. 1. – Д. 313.
4. Кастелянский Е. Хлебные цены Украины в 1924/25 г. / Е. Кастелянский // Хлебный рынок. – 1925. – № 8.
5. Коломойцев П. Хлебная кампания на Украине в 1924/25 годы / П. Коломойцев // Хлебный рынок. – 1925. – № 8.
6. Хлебный рынок. – 1925. – № 1.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 5240. – Оп. 4. – Д. 23а.
8. Экономический бюллетень Конъюнктурного института. – 1926. – № 11–12.
9. Акционерное общество торговли хлебными и другими сельскохозяйственными продуктами «Хлебопродукт»: стат. отчет за 1924/25 операционный год. – М., 1925.
10. Хлебный рынок. – 1925. – № 9–10.
11. Альтерман А. Хлебооборот Украины в 1924/25 урожайном году и роль в нем частной инициативы / А. Альтерман // Хлебный рынок. – 1925. – № 8.

А.П. Іржавська

ДЕМОГРАФІЧНІ НАСЛІДКИ НАЦІСТСЬКОГО ФІЗИЧНОГО ТЕРОРУ ПРОТИ СХІДНИХ СЛОВ'ЯН ПЕРІОДУ ДРУГОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ

Висвітлено демографічні наслідки політики і практики нацистського фізичного терору проти східних слов'ян у роки Другої світової війни.

Ключові слова: Друга світова війна, нацистський фізичний терор, окупація, східні слов'яни, демографічні наслідки.

The article is dedicated to the problem of the demography consequences of the policy and practice of nazi physical terror against Eastern Slavic during the Second World War.

Key words: Second World War, nazi physical terror, occupation, Eastern Slavic, demography consequences.

Серед актуальних тем дослідження подій Другої світової війни однією із найгостріших є проблема людських втрат. Вивчення даних про людські втрати наштовхувалося на великі труднощі, оскільки певний час частина статистичних матеріалів перебувала під грифом «цілком таємно». У зв'язку з цим історикам та публіцистам доводилося досить часто користуватися вибраними, неповними даними, достовірність яких часто була сумнівною. Це зумовило появу в зарубіжній та вітчизняній історіографії низки наукових праць, що різняться за своїм цифровим та фактичним матеріалом.

Вплив нацистського фізичного терору на демографію східних слов'ян можна вивчати в кількісному аспекті, тобто під кутом зору визначення